

Евгений Замятин. Письмо Сталину

Электронная версия: В. Г. Есаулов, 12 декабря 2005 г.

Уважаемый Иосиф Виссарионович,
приговоренный к высшей мере наказания автор настоящего письма – обращается к Вам с просьбой о замене этой меры другой.

Мое имя Вам, вероятно, известно. Для меня, как для писателя, именно смертным приговором является лишение возможности писать, а обстоятельства сложились так, что продолжать свою работу я не могу, потому что никакое творчество немислимо, если приходится работать в атмосфере систематической, год от году все усиливающейся, травли.

Я ни в какой мере не хочу изображать из себя оскорбленную невинность. Я знаю, что в первые 3-4 года после революции среди прочего, написанного мною, были вещи, которые могли дать повод для нападков. Я знаю, что у меня есть очень неудобная привычка говорить не то, что в данный момент выгодно, а то, что мне кажется правдой. В частности, я никогда не скрывал своего отношения к литературному раболепству, прислуживанию и перекрашиванию: я считал – и продолжаю считать – что это одинаково унижает как писателя, так и революцию. В свое время именно этот вопрос, в резкой и обидной для многих форме поставленный в одной из моих статей (журн. "Дом искусств", No 1, 1920), был сигналом для начала газетно-журнальной кампании по моему адресу.

С тех пор, по разным поводам, кампания эта продолжается по сей день, и в конце концов она привела к тому, что я называл бы фетишизмом: как некогда христиане для более удобного олицетворения всяческого зла создали черта, так критика сделала из меня черта советской литературы. Плунуть на черта – зачитывается как доброе дело, и всякий плевал как умеет. В каждой моей напечатанной вещи непременно отыскивался какой-нибудь дьявольский замысел. Чтобы отыскать его – меня не стеснялись награждать даже пророческим даром: так, в одной моей сказке ("Бог"), напечатанной в журнале "Летопись" – еще в 1916 году – некий критик умудрился найти... "издевательство над революцией в связи с переходом к НЭПу"; в рассказе ("Инок Эразм"), написанном в 1920 году, другой критик (Машбиц-Веров) узрел "притчу о поумневших после НЭПа вождах". Независимо от содержания той или иной моей вещи – уже одной моей подписи стало достаточно, чтобы объявить эту вещь криминальной. Недавно, в марте месяце этого года, Ленинградский Облит принял меры к тому, чтобы в этом не оставалось уже никаких сомнений: для издательства "Академия" я проредактировал комедию Шеридана "Школа злословия" и написал статью о его жизни и творчестве: никакого моего злословия в этой статье, разумеется, не было и не могло быть – и тем не менее Облит не только запретил статью, но запретил издательству даже упоминать мое имя как редактора перевода. И только после моей апелляции в Москву, после того как Главлит, очевидно, внушил, что с такой наивной откровенностью действовать все же нельзя – разрешено было печатать и статью, и даже мое криминальное имя.

Этот факт приведен здесь потому, что он показывает отношение ко мне в совершенно обнаженном, так сказать – химически чистом виде. Из обширной

коллекции я приведу здесь еще один факт, связанный уже не с случайной статьей, а с пьесой большого масштаба, над которой я работал почти три года. Я был уверен, что эта моя пьеса – трагедия "Атилла" – заставит, наконец, замолчать тех, кому угодно было делать из меня какого-то мракобеса. Для такой уверенности я, как будто, имел все основания. Пьеса была прочитана на заседании Художественного совета Ленинградского Большого Драматического театра, на заседании присутствовали представители 18 ленинградских заводов и вот выдержки из их отзывов (цитируются по протоколу заседания от 15-го мая 1928 г.).

Представитель фабрики им. Володарского: "Это – пьеса современного автора, трактующего тему классовой борьбы в древние века, созвучную современности... Идеологически пьеса вполне приемлема... Пьеса производит сильное впечатление и уничтожает упрек, брошенный современной драматургии, что она не дает хороших пьес..." Представитель завода им. Ленина, отмечая революционный характер пьесы, находит, что "пьеса по своей художественной ценности напоминает шекспировские произведения... Пьеса трагическая, чрезвычайно насыщена действием и будет очень увлекать зрителя". Представитель Гидро-механического завода считает "все моменты в пьесе